

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ И ДЕПОРТАЦИЙ НА ИЗМЕНЕНИЕ ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ НА КУБАНИ В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД

ВШИВЦЕВА Ю. В., ФЕДЧЕНКО Е. В.

PRE-WAR POLITICAL REPRESSIONS AND DEPORTATIONS IMPACT ON KUBAN ETHNOSOCIAL SITUATION CHANGE

VSHIVTSEVA YU. V.,
FEDCHENKO E. V.

В статье дана характеристика влияния политических репрессий и депортаций на изменение этносоциальной ситуации на Кубани в предвоенный период. Приведена численность иностранных граждан, депортированных с территории СССР в указанный период.

The article characterizes the pre-war political repressions and deportations impact on Kuban ethnosocial situation change, cites the number of foreign citizens, deported from the USSR in the given period.

Ключевые слова: политические репрессии, депортации, спецпоселения, исправительно-трудовые лагеря, этнические меньшинства, переселенческий контингент.

Keywords: political repressions, deportations, colonies, labour camps, ethnic minorities, contingent of migrants.

УДК 271.2:929

Депортации (насильственные миграции) — одна из специфических форм политических репрессий. Они являются и своеобразной формой принуждения государством его не индивидуальных, а групповых политических противников к смене места жительства.

Определяющими их особенностями являются административный (внесудебный) характер и списочность, т. е. направленность не на конкретное лицо, не на индивидуального гражданина, а на целую группу лиц, подчас весьма многочисленную и отвечающую заданным сверху критериям.

Решения о депортациях принимались, как правило, руководителями партии и правительства, по инициативе органов ОГПУ—НКВД—КГБ и ряда других ведомств. Это ставило их вне компетенции и правового поля советского судопроизводства (как и вне международного и союзного законодательства о военнопленных) и резко отличало систему спецпоселений от системы исправительно-трудовых лагерей и колоний, а также от системы лагерей для военнопленных и интернированных (ГУЛАГ и ГУПВИ) [1].

Репрессии 1930–1940-х гг., обрушившиеся на советских людей, в т. ч. на представителей различных национальностей, организаторов социалистического строительства, вынужденная миграция «наказанных» народов явились составной частью командно-административной системы [2].

В середине 1930-х гг. началась серия акций, а точнее, продуманная и последовательная кампания по обеспечению безопасности крупных городов, границ и приграничных территорий посредством их «зачистки» (часто классовой, но еще чаще — этнической) от «социально опасных», т. е. неблагонадежных, с точки зрения советского руководства, элементов [3].

«Волны» событий 1930–1940-х гг. не просто коренным образом повлияли на жизнь миллионов людей, они сделали общество другим.

Политические репрессии, насилие, террор, как известно, имели место и в дореволюционной России. Но никогда не

применялись так широко, никогда не использовались как средство решения экономических, социальных, культурных и иных задач государства.

В 1930—1940-е гг. в СССР также кардинально меняются ориентиры национальной политики, что приводит к депортациям народов, проживающих на «угрожаемых территориях».

В обозначенный период абсолютная и относительная численность некоторых традиционно проживавших в Краснодарском крае этносов — украинцев (преимущественно казаков), армян, греков, немцев, татар, болгар и других народов значительно сокращается [4].

Наиболее существенные изменения произошли в численности украинского населения. В конце 1930-х гг. удельный вес и абсолютная численность украинцев резко уменьшилась, тогда как доля русских значительно выросла [5]. С одной стороны, важна роль ассимиляционных процессов, происходящих внутри украинской этнической общности Кубани в 1920-е — начале 1930-х гг.; с другой — свою роль и, пожалуй, решающую в этих изменениях сыграл голод начала 1930-х гг., затронувшие в основном сельское население Кубани, в котором значительную часть составляли украинцы.

Рост русского населения объясняется компенсационными переселенческими контингентами, сформировавшимися в Центральной России, на Урале и в прочих районах и направленными сюда административными решениями [6].

Сократилась к 1939 г. более чем в два раза (с 7139 до 3152 чел.) в крае численность поляков [7].

Резкое снижение численности наблюдается также у армянского населения, что также стало следствием репрессий (как классовых — раскулачивания, так и по этническому признаку) и в меньшей степени процессов ассимиляции [8].

Постановление правительства от 21 сентября 1941 г. предусматривало выселение в срок с 25 сентября по 10 октября из Краснодарского края 32287 чел. немецкой национальности (фактически все немецкое население края, которое, по данным переписи 1937 г., здесь составляло 34,3 тыс. чел.) [9].

Дополнительно выселение из Краснодарского края и Ростовской области «социально опасных» немцев, румын, крымских татар и иностранных подданных (греков) было проведено в 1942 г. По подсчетам

А. С. Хунагова, с территории Краснодарского и Ставропольского краев в целом было выселено более 79 800 граждан [10].

В результате депортаций в Краснодарском крае практически прекратило свое существование этническое немецкое меньшинство.

В мае 1944 г. на основании Постановления ГКО с территории Краснодарского края и Ростовской области выселению подлежали татары и греки [11], по этой причине значительно сократилась численность греческой общины в Сочи — одной из самых древних на побережье Черного моря.

Помимо депортаций, «внутренние эмигранты» — лица нерусских национальностей, проживавшие на Кубани компактными группами, подвергались и другим видам репрессий, как-то: заключения на длительные сроки, расстрелы и т. п.

В июне 1937 — январе 1938 гг. сотрудниками Ейского РОВД в колхозе «Нойвег» («Новый путь») села Воронцовка Ейского района были арестованы лица немецкой национальности, «причастные» к так называемой «фашистской националистической повстанческой организации». Их обвинили в проведении антисоветской агитации и во вредительской работе, разложении трудовой дисциплины, клевете на Советскую власть. Во время следствия все обвиняемые «признали» себя виновными. На основании этих признательных показаний, а также показаний арестованных по другим делам, все они (30 чел.) были приговорены к высшей мере наказания — расстрелу [12].

В октябре 1937 г. Управлением НКВД по Краснодарскому краю была «вскрыта» и «ликвидирована» «контрреволюционная националистическая деятельность» группы лиц польской национальности, так называемая «Польска организация войскова». Ее деятельность якобы «направлялась польскими разведывательными органами по линии шпионажа, диверсий, террора и подготовки восстания на Кубани». Только в Краснодаре с января 1937 по февраль 1938 гг. было арестовано свыше 300 чел. Как выяснилось позже, аресты производились по спискам, составленным на основе данных адресного стола. Производились аресты и в других городах и районах края. По предъявленным обвинениям, не одно из которых не было подтверждено сотрудниками военной прокуратуры в период «оттепели», 188 граждан польской национальности приговорили к расстрелу.

Приговоры были приведены в исполнение в основном в конце 1937 — начале 1938 гг.

В декабре 1937 — июне 1938 г. Управлением НКВД по Краснодарскому краю произведены аресты лиц (в основном греческой национальности), которые якобы входили в «греческую контрреволюционную националистическую повстанческую диверсионно-шпионскую и террористическую организацию», состоящую из 77 чел. Большинство из них были приговорены к высшей мере наказания, остальные — к длительным срокам лишения свободы [13].

В ночь на 28 июля 1938 г. сотрудниками УНКВД по Краснодарскому краю на территории Отрадненского района в селе Ново-Эстонка (колхоз «Уус-Тее») и хуторе Банатовском (колхоз «Вейтлус») было арестовано более 120 чел. (в основном мужчины) эстонской национальности. В ходе предварительного следствия им вменялось в вину участие в «эстонской националистической контрреволюционной диверсионно-шпионской и террористической организации», проведение вредительской работы в колхозе, сбор разведывательных сведений и «вооруженное выступление против Советской власти в случае нападения на СССР капиталистических государств». Каких-либо улик для их ареста, судя по материалам следственного дела, не имелось. Тем не менее на допросах под давлением они дали признательные показания о своей принадлежности к «контрреволюционной националистической организации», якобы существовавшей в Отрадненском районе. Часть эстонцев, арестованных в селе Ново-Эстонка и хуторе Банатовском, была расстреляна (предположительно в Краснодаре) 4 октября 1938 г., остальные — осуждены на различные сроки лишения свободы [14]. Семьи лишились кормильцев, хозяйства — добросовестных работников. Женщины, старики, дети, вставшие на место мужчин, работали от зари до зари, но ноша оказалась непосильной. Колхозы стали хиреть,

пока совсем не распались. Была закрыта эстонская школа в селе Ново-Эстонка. Даже самодеятельность разрешили вести только на русском языке. Люди под любым предлогом стали покидать Кубань. Всего в 1930—1940-е гг. незаконным арестам на Кубани подверглись 182 эстонца, проживавшие в основном в Отрадненском районе и селе Эстосадок. Большинство из них были приговорены к расстрелу, остальные — к длительным срокам лишения свободы [15].

В заключение хотелось бы отметить тот факт, что существуют две причины, по которым был развязан политический террор в обозначенный период.

Во-первых, террор был направлен против лиц, отдельных категорий и групп граждан, которые могли представлять гипотетическую угрозу для государства. Истребление «пятой колонны» (так называемые «национальные операции») стало важным условием подготовки страны «по-Сталински» к предстоящей войне [16].

Репрессии в отношении ряда национальностей рассматриваются так же, как превентивная мера — за возможное предательство, а, по сути, за принадлежность к национальности [17].

Во-вторых, массовые политические репрессии завершили формирование жестокого тоталитарного режима в СССР. С помощью террора большевики решали сложные политические, экономические, социальные, национальные, культурные и иные проблемы.

Авторы, занимающиеся этой проблематикой, по-разному оценивают причины данных мер государственного аппарата. Но бесспорным остается то, что они имели отрицательные последствия на территории Краснодарского края, намного сократив не только численность населения Кубани, и так утратившей в войне почти 500 тыс. своих граждан, но и подорвав морально-политическое единство народа, о котором так любили говорить в Кремле.

Примечания

1. Полян П. А. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 11—12.
2. Бугай Н. Ф. К вопросу о депортациях народов СССР в 30—40-х годах // История СССР. 1989. № 6. С. 135.
3. Полян П. А. Указ. соч. С. 86.
4. Ракачев В. Н., Ракачева Я. В. Краснодарский край: этносоциальные и этнодемографические процессы (вторая половина 1980-х — начало 2000-х гг.). Краснодар: Куб. гос. ун-т, 2003. С. 39.
5. Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928. Т. 5; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М., 1992.

6. Ракачев В. Н., Ракачева Я. В. Указ. соч. С. 40.
7. Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928. Т. 39; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М., 1992.
8. Ракачев В. Н., Ракачева Я. В. Указ. соч. С. 41.
9. История российских немцев в документах // сост. В. А. Ауман, В. Г. Чеботарева. 1993. Т. 1. С. 164—165.
10. Хуганов А. С. «Выселить без права возвращения ...». Депортации народов Юга России в 20—50-е годы (на материалах Краснодарского и Ставропольского краев). Майкоп, 1999. С. 90—92.
11. Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Кавказ: народы в эшелонах (1920—1960-е годы). М., 1998. С. 181.
12. Кропачев С. Большой террор на Кубани // Юго-Полис. 1993. № 3. С. 30.
13. Кропачев С. Хроника коммунистического террора. Трагические фрагменты новейшей истории Отечества. События. Масштабы. Комментарии. Ч. 1. 1917—1940 гг. Краснодар, 1995. С. 47.
14. Там же С. 48.
15. Кропачев С. Большой террор на Кубани // Юго-Полис. 1993. № 3. С. 31.
16. Он же. Десять лет, изменившие страну. Проблемы отечественной истории и историографии середины 1930—1940-х годов: сб. науч. ст. Краснодар, С. 22.
17. Бугай Н. Ф. К вопросу о депортациях народов СССР в 30—40-х годах // История СССР. 1989. № 6. С. 136.

Вшивцева Юлия Викторовна,
аспирант кафедры новейшей отечественной истории
Кубанского государственного университета
(Краснодар).
E-mail: yulyasik@list.ru.

Федченко Евгения Васильевна,
канд. ист. наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории
Кубанского государственного университета (Краснодар).